

ПРЕОДОЛЕВАЯ «ЗАПАД»: СВОЕОБРАЗИЕ ДРЕВНЕЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИИ В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

Исследуется проблема понимания своеобразия древней ближневосточной истории в контексте объявленного советскими востоковедами «поворота к Востоку», происходившего в период становления советской марксистской историографии. Делается вывод, что, подчеркивая достижения советской науки по сравнению с западной, советские историки заявляли о еще нереализованной программе; сама же ее реализация на протяжении 1930-х гг. оказалась сравнительно ограниченной и сводилась во многом к положению о том, что Древний Восток шел по тому же пути рабовладения, что и античное общество.

Ключевые слова: советская историография; учебные курсы; история древнего Ближнего Востока

В 1931 г. из печати вышла небольшая брошюра, содержащая речь С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) «Восток и Запад в советских условиях». В ней «старый» ученый, ставший академиком еще до революции, а при новом режиме возглавлявший Академию наук до того времени, пока она еще сохраняла отдельные элементы автономности, отмечал, «какую громадную, коренную перемену в нашем научном мировоззрении произвела Октябрьская Революция» [1. С. 3]. Ранее, как отмечал академик, исследование Востока несло характер обоснования отвлеченных научных истин, что и выразилось в существовании старого, европоцентристского востоковедения. Несмотря на попытки некоторых буржуазных ученых превзойти эту ограниченность, только в Советском Союзе реально сформировалась научная установка, выраженная автором с явным ригоризмом: «Для нас нет разделения народов и стран на Восток и Запад, противоположные друг другу и иначе изучаемые: Восток вошел в наш Союз на равных правах с Западом, и мы изучаем его с той же марксистской методологией, с какой изучаем Запад. Классовая борьба шла и идет на Востоке так же, как и на Западе. История Востока дала те же формации, как и история Запада. Это основные положения нашего востоковедения» [1. С. 9]. Заклучалась речь не менее уверенным заявлением, согласно которому «советская постановка вопроса о Востоке и Западе делает его вопросом решенным...» [1. С. 15].

Эта речь стала одной из опорных точек для нового восприятия реальности в гуманитарных науках, которое исходило из принципиального отличия советского востоковедения начала 1930-х гг. как от дореволюционной отечественной, так и от современной зарубежной традиций. Правда, обосновать эти отличия удалось только с помощью нескольких аккуратных манипуляций с примерами.

Так, для того чтобы показать тупик, в который зашла западная наука, Ольденбург приводил в пример цитату из небольшого (и отнюдь не программного) эпизода индолога С.М. Эдвардса (Edwardes, 1873–1927), написанного к посмертному переизданию классической книги В.А. Смита (1848–1920) о доисламской Индии. Эдвардс писал о том, что «политическая история Индии не может соперничать в значении с историей Греции, Рима или современной Европы...»,

ибо по преимуществу сводится к истории обычного деспотизма. Именно эти слова Ольденбург трактует как знак явного европоцентризма, имперского отношения к Индии как колонии, которое даже заставило Эдвардса забыть о том, что исследования индийской общины имеют большое значение для науки, а проведены были в основном самими англичанами [1. С. 5]. Несмотря на то что сравнительно пространная цитата переведена в речи Ольденбурга вполне корректно, тем не менее она вырвана из контекста: в следующем же (и заключающем всю книгу) абзаце Эдвардс сообщал читателям, что в индийском случае большее значение, чем изучение политических установлений, играет история мысли – философии, религии, науки, искусства и литературы [2. Р. 500–501]. Если противопоставление между Индией и Западом и было существенной частью цитируемого пассажа, негативные его результаты уравнивались позитивными¹. У Ольденбурга были основания проигнорировать этот последний абзац за авторством Эдвардса, поскольку в начале 1920-х гг. он и сам писал о Востоке примерно то же самое: что тот слаб в области наук, но необычайно многого достиг «в области творчества духа» [4. С. 7].

Если обратиться к другой отсылке в речи Ольденбурга, то она окажется еще более парадоксальной. Пересказывая общее содержание ежегодного обращения главы Американского восточного общества С. Адлера (1863–1940) к его членам в 1924 г., академик соглашается практически со всеми его положениями, включая тезис о необходимости связывать работу общества с текущими политическими потребностями [5. Р. 184], но отмечает в завершении, что «призыв Адлера, видимо, не был услышан» [1. С. 8]. Поскольку этот вывод ничем не подтвержден, то является исключительно оценочным, не говоря о том, что вряд ли у советского академика было достаточно информации, чтобы с уверенностью заявлять, что речь Адлера не произвела никакого эффекта.

Таким образом, оригинальность советского видения проблем Востока в речи Ольденбурга сильно преувеличена, но вряд ли допустимо думать, что такое преувеличение возникло вследствие его наивности в суждениях или тем более некомпетентности. Это примерно так же маловероятно, как полагать, будто

Ольденбург мог искренне радоваться успехам советского востоковедения на фоне недавно прошедшего «академического дела»². Но как глава Института востоковедения он должен был предлагать те ответы, которые звучали бы уместно в изменившихся условиях, и этим можно объяснить то, что он постарался оформить старую гуманистическую идею познания Востока в новую оправу антиколониального и формационного марксистского дискурса.

Но если в социальной жизни так называемая теорема Томаса имеет право на существование, то она тем более может быть приложена к истории социальных наук. Какими бы текущими обстоятельствами ни было вызвано утверждение Ольденбурга об уже свершившемся преодолении советской наукой противопоставления в изучении Запада и Востока и какие бы обстоятельства ни заставляли других историков принимать это утверждение в качестве путеводной звезды, оно имело вполне реальные последствия в контексте совершавшегося в советской науке перехода к единой теории исторического процесса.

Дело в том, что до начала 1930-х гг. такой теории все еще не было, а необходимость в ней изначально даже не сознавалась. В учебниках по политэкономии 1920-х гг., равно как и в других марксистских обобщающих работах, высказывались разные версии хронологической последовательности и экономической сущности исторических эпох, поэтому при общем единообразии анализа (основанного на экономизме и классовой борьбе) допустимые расхождения в подходах разных авторов могли быть весьма существенными.

Наступление единства (как минимум декларируемого) в понимании сути и смысла истории, время перехода к которому пришлось приблизительно на 1932–1938 гг., происходило в том числе при отсылке к ольденбургскому тезису «несть ни Востока, ни Запада». Сыгравший решающую роль в унификации представлений о Древнем Востоке как рабовладельческой формации, в целом идентичной с античными Грецией и Римом, В.В. Струве (1889–1965) строил свою общую аргументацию по тем же лекалам, что и Ольденбург, в том числе прямо отсылал к опыту старшего коллеги.

В заключительных абзацах своего поворотного для советского востоковедения доклада 1933 г. Струве рассуждал следующим образом: если исходить из того, что на Востоке не было рабовладения, то придется признать, что там был «вечный феодализм», но такой тезис, «по сравнению с быстро преодоленным феодализмом Запада, подчеркивал бы исключительную специфичность истории Востока и в одинаковой степени удовлетворял бы и националистически настроенные элементы на Востоке, и европейских империалистов. Для первых вечный феодализм доказывал бы, что Восток может идти иными путями развития, нежели Запад, а для вторых вечный феодализм доказывал бы абсолютную застойность Востока и тем самым невозможность без помощи мессианической Европы выйти из тупика этой застойной феодальной формации» [7. С. 90].

В статье, посвященной более частному вопросу и опубликованной в юбилейном сборнике в честь Ольденбурга, Струве уже конкретизирует образы врага «правильной» теории и ее защитников: «Мое исследование, таким образом, доказывает, что и в Сумире, т.е. на Востоке, существовала рабовладельческая формация, как она существовала и на Западе, в Греции и в Италии. Само собой понятно, что она в Сумире имела свои специфические особенности, поскольку шумерийское общество покоилось на весьма своеобразном ирригационном хозяйстве, но факт наличия в Сумире рабовладельческой формации целиком уничтожает положение Эдуарда Мейера о том, что “на Востоке в противоположность Западу рабство в хозяйственном отношении никогда не играло более или менее крупной роли”». Если мое исследование действительно уничтожает положение Мейера, основанное на столь характерном для буржуазного востоковедения противопоставлении Востока и Запада, то я счастлив принести этот скромный дар советскому исследователю, который для советского востоковедения столь ярко и сильно покончил с противопоставлением Востока и Запада» [8. С. 506–507]³. Далее Струве приводит соответствующую цитату из речи Ольденбурга, в то время как другая была предпослана статье в качестве эпиграфа.

Таким образом, идея равенства Востока и Запада была сравнительно быстро сведена к идее единства их формационной принадлежности, а само это единство было изначально аргументировано преимущественно на материале древности и, если быть еще более точным, на примере древних ближневосточных обществ. Это и было подано в качестве рецепта, который избавил советскую науку от проблем как современной западной («буржуазной»), так и предшествующей дореволюционной традиции.

Учитывая генетику произошедших изменений, в которой явно видны следы полусознательной манипуляции и самоубеждения, перетекающего в мифотворчество, логично задаться следующими вопросами: вне зависимости от того, насколько изначально был справедлив заявленный тезис, последовали ли за ним в действительности провозглашенные результаты; произошло ли в советской исторической литературе довоенного периода заявленное обновление взглядов на Восток, и если да, то в чем оно выражалось.

Чтобы рассмотрение этого вопроса осталось в рамках реализуемого небольшого исследования, далее будет раскрыт только пример Ближнего Востока в древности, и преимущественно на материале советских учебников. Тем не менее такое сужение исследовательского поля не является лишь данью экономии читательского времени: акцент на учебной литературе оправдан тем, что в ней всегда выше требования обобщения и объяснения наличествующих знаний и ниже требования к оригинальности исследования или полноте фактографии. Именно учебная литература позволяет в наилучшей мере передать основные идеи исторического нарратива в конкретной принятой исследователями и обществом парадигме.

Для того, чтобы видеть особенности советской науки, нужна точка отсчета, которая находится в первую очередь в предшествующей традиции. Правда, буквального разрыва между дореволюционной и советской научными традициями не было, что связано, пожалуй, не столько с тем, чего желали советские политические институты, сколько с тем, что они могли (или не могли) себе позволить. Отсутствие должного количества или качества научных кадров, падение издательской активности и специфические ориентиры ранней советской власти в деле издания учебников привели к тому, что к 1934 г., когда было решено открыть исторические факультеты в университетах и возродить полноценные уроки истории в школах, советской исторической учебной литературы практически не было. Поэтому в университетах пользовались лекционными курсами Б.А. Тураева (1868–1920) и М.М. Хвостова (1872–1920), которые переиздавались в 1920-е гг., иногда многочисленными дореволюционными переизданиями Г. Масперо (1846–1916) [9]. Как студенты, так и школьники читали пособия Р.Ю. Виппера, другие гимназические учебники или старинные научные и популярные книги⁴.

Следовательно, то противопоставление прежнего и нового востоковедения, которое легло в основу программных заявлений как Ольденбурга, так и Струве, было вовсе не сухой констатацией некогда свершившегося факта, а буквально выполняемым на ходу разведением двух традиций⁵. Можно возразить на это, что так всегда и бывает в истории науки: смена парадигм на деле предстает растянутым, а часто даже разнонаправленным процессом, и это не отменяет принципиального характера изменений. Но такое соображение является чистой воды абстракцией, построенной на том, что мы уже возводим расхождение мировоззрений в разряд аксиомы и не пытаемся всерьез рассматривать, было ли оно одинаково принципиальным во всех возможных проявлениях. В нашем конкретном случае важно учитывать, что учебные пособия условно «дореволюционных» авторов существовали в одном пространстве со столь же условно «советскими» учебниками в период 1920–1930-х гг.: ряд как бы советских пособий по истории или политэкономии был написан впервые еще до революции русскими марксистами (самым очевидным примером здесь являют труды М.Н. Покровского, но также можно сказать об А.А. Богданове, который писал и о древней истории), а немало авторов находились в столь сложных отношениях с марксистской теорией, что их можно относить одновременно и к «старым» ученым (В.В. Струве, отчасти С.А. Жебелёв⁶). Хотя дополнения в переиздания дореволюционных текстов вносились, но обычно были незначительными по объему и несущественными с точки зрения принципиальной позиции⁷ – показательная деталь, свидетельствующая, опять же, об отсутствии если не представления о разрыве, то уж точно навыков его реализации.

Соответственно, если мы обратимся к условно «дореволюционной» традиции освещения древней ближневосточной истории, то следует выделить в ней несколько характеристик, которые позволят сравнить ее с тем «новым» предложением, которое наконец

смогла сформировать советская наука на протяжении 1930-х гг.: удельный вес древнего Востока в отношении древнего «Запада» (Европы), степень внимания к Востоку (полнота освещения по странам и регионам), основные характеристики, которые давались авторами древним ближневосточным обществам. Для реализации этих задач наилучшим образом подходят курсы Виппера и Хвостова – поскольку они касались Древнего мира в целом, то это позволяет сравнить освещение восточной и античной истории; также университетский курс Тураева – из дореволюционной литературы он пользовался наибольшим уважением.

Все дореволюционные авторы подразумевали под историей Древнего Востока именно Ближний Восток – это лежало целиком в русле научной традиции того времени, некоторые тенденции к расширению понятия проявлял только курс Тураева [17. С. 776–782].

В лекционном курсе Хвостова излагалась история только двух стран, Египта и Месопотамии, причем с заметным перевесом в пользу первого (более 66% текста в издании 1927 г.⁸). Курс Виппера (1913 г.) оказался более сбалансированным: уделено внимание также Малой Азии, побережью Эгеиды и Израилю, так что доля египетской истории – около 29%, а месопотамской (включая Халдею) – чуть более 30% текста; в издании 1916 г. соотношение осталось принципиально тем же. При этом определение «древнего Востока» у Хвостова как раз включало весь Ближний Восток, а также Иран, часть Средней Азии и Эгеиду в микенское время, а завершением периода лектор предлагал считать VI в. до н.э., когда создание державы Ахеменидов и выход греков на авансцену истории покончили с относительной изолированностью восточных народов [18. С. 5–6]. Хвостов объяснял изъятие им из курса истории древних Индии и Китая тем, что географическая отдаленность от Средиземноморья предопределила их меньший вклад в «сокровищницу человеческих знаний» [18. С. 14].

В древневосточных обществах Хвостов видел стадии эволюции от родового общества через феодализм (под которым понимал военную власть на местах крупных землевладельцев, формально связанных между собой иерархическими отношениями, т.е. аристократическую монархию) к централизованной бюрократической монархии, правда, на самых ранних ее стадиях. Отмечал он также и то, что формирование основных классов в этих обществах уже произошло (особо отмечается раннее появление рабовладения), но при этом не успел развиваться особый класс торговцев (за исключением Финикии) [18. С. 11–13]. Следует отметить, что эти наблюдения Хвостова не находились в принципиальном противоречии с современными ему марксистскими воззрениями на историю – наибольшее сходство можно проследить со взглядами Н.А. Рожкова (1868–1927) [20].

В пособии Виппера и вовсе поставлена цель преодоления акцента на греко-римских древностях, правда, обосновано это эволюцией знаний: «всюду в пособиях и, за немногими исключениями, в более крупных сочинениях по истории древности, Восток в собственном смысле по-прежнему резко отделен от исто-

рии Европы, хотя археологические открытия последних 15–20 лет решительно изменили наши представления как о старинности, так и о географических пределах исторических связей и культурных воздействий в кругу античного мира» [21. С. 3]. Далее сформулирована еще более важная мысль: эгейская культура сопоставима по древности с египетской и месопотамской, а «слияние Востока и Европы», т.е. объединение Древнего мира (под которым подразумевается область Средиземноморья) «в хозяйственном, религиозном и международно-политическом отношении», свершается не в результате походов Александра и римских императоров, а лишь завершает процесс, начавшийся в III–II тыс. до н.э. [21. С. 3].

В противоположность Випперу, Тураев подчеркивал своеобразие древневосточного мира по сравнению с греко-римским. Переиздавая труд Тураева уже в новых условиях середины 1930-х гг., Струве, дав общую уважительную характеристику русскому ученому, указал на два недостатка его подхода: отделение Индии и Китая как регионов с принципиально другой историей по сравнению с древним Ближним Востоком; идеалистический метод Тураева, не позволивший тому увидеть единство формационной характеристики Древнего мира [22. С. VIII–IX].

Если мы обратимся к началу формирования «советской» традиции, то своеобразным ее прологом служит сравнительно радикальная попытка создания школьного учебника по древней истории [23], осуществленная Н.М. Никольским (1877–1959), которая стала возможной благодаря объявленному Наркомпросом конкурсу. Никольский привел основные части своего 200-страничного учебника в практически строгое равновесие, при котором разделы первобытности, Востока, Греции и Рима получили равные доли. Расставанием с гимназической традицией следует считать и то, что в учебник истории была включена история Китая (до революции она изучалась в курсе географии), хотя по-прежнему не было раздела по Индии [24].

Учебник попал в школы и даже был переведен на несколько языков народов Союза, при этом даже его совокупный тираж оказался недостаточным для того, чтобы он мог стать событием для всей системы школьного образования. Причина была в том, что скоро обнаружились методические недостатки, фактические неточности и – по сути, это было главное – теоретические сложности в освещении древней истории. Все это заставило приостановить дальнейшие переиздания и уже с помощью коллектива авторов запустить процесс переработки учебника, который занял почти семь лет.

В исходном тексте Никольский определял восточные общества (включая древневосточные) как феодальные, а античные – как рабовладельческие. Поскольку для помощи авторам учебника был приглашен В.В. Струве, редактирование стало еще одним полем боя между двумя учеными за разное понимание восточной истории, а больше всего споров вызвала история Шумера, по поводу которой между ними параллельно развернулась научная полемика. Несмотря на то что Никольский в целом отступал, признав в

середине 1930-х гг., что Восток следует отнести к рабовладельческой формации, он упрямо пытался отстоять акцент на важности крестьянства (и сельской общины как формы его организации) в восточной истории.

Результатом этого противостояния стало то, что в издании 1940 г., которое было провозглашено в печати «первым советским учебником по древней истории» [25], исчезло упоминание имен авторов (на обложке был обозначен лишь редактор – А.В. Мишулин), была резко сокращена история древнейшей Месопотамии, а при упоминании массовых движений стандартно использовалось сочетание «рабы и крестьяне» (именно в таком порядке). Кроме того, изменилось соотношение частей: первобытности уделялась буквально пара страниц, Древний Восток в целом составлял около 27% текста. Соответственно, введение в учебник истории Индии и Китая, наряду с Восточным Средиземноморьем (полторы страницы текста на Финикию⁹, чуть больше на Израиль и Иудею) и Ираном (менее трех страниц на Персию), привело к фактической невозможности рассказать историю этих стран в связном виде. Изначально это было сделано только для Египта и Месопотамии, но поскольку шумерская история пала жертвой полемики, то древневосточный раздел приобрел явные черты египтоцентризма – треть раздела или 9,5% от общего текста учебника. История древнего Ближнего Востока в итоге заняла около 20% текста.

Советские университетские курсы довоенного времени шли по пути специализации, поэтому не появилось учебников по истории древности в целом, написанных одним автором¹⁰. Но там, где речь шла о любого рода серии, созданной коллективом, обычное соотношение истории Древнего Востока и Античности представляло как один к двум (Восток примерно равен Греции, которая примерно равна Риму) либо как в плане «Всемирной истории», работа над которой началась в 1937 г.: Восток должен был занять один том, а Греция и Рим – по два [28. С. 1015, прим. 6]. В случае с последним проектом для написания глав по истории некоторых древних стран не находилось специалистов, так что пришлось временно перепрофилировать на эту работу нескольких египтологов: так, Н.А. Шолпо (1903–1941) писал главы по Индии, Эламу и Митанни [29. С. 168, 178].

Параллельно изданию этих трудов, начиная с 1934 г. улучшал свой университетский курс В.В. Струве. В 1941 г. он выпускает большой университетский учебник, над созданием которого работали еще несколько специалистов (прежде всего по истории Индии и Китая), которых привлек автор. Именно этот труд позволяет увидеть некоторые итоги манифестированного преодоления дихотомии Запада и Востока.

Общий смысл заявлений остался тем же самым: по мнению Струве, объективно нет никакой пропасти между Западом и Востоком – более того, самые эти слова заключаются им в кавычки, как отжившие свой век условности [30. С. 3]. Правда, даже те характеристики древневосточных обществ, которые историк относил к локальным особенностям, оказываются достаточно весомыми: долгое сохранение черт перво-

бытнообщинного строя, значительная роль сельской общины (Струве и на протяжении последующих двадцати лет, формально не уступая ни Никольскому, ни позднее включившемуся в обсуждении проблемы Дьяконову, постепенно признавал все большую роль общин в восточной истории), застойный характер развития. Другим советским ученым (прежде всего А.И. Тюменеву) этого было вполне достаточно, чтобы говорить как раз о том, что восточные общества являлись собой не локальную, а принципиальную версию древней истории [31].

Конечно, если говорить о сбалансированности материала, то в этом отношении курс Струве производит, на первый взгляд, гораздо лучшее впечатление благодаря большему количеству рассмотренных стран, но реальное соотношение основных частей в нем не слишком отличалось, например, от учебника Виппера: примерно 27,5% было отведено истории Египта, 23,5% – Месопотамии (включая историю Ассирии и Митанни), а таким регионам, как Индия и Китай, было уделено 8 и 6,4% соответственно. Если учитывать и факт накопления знаний о народах Ближнего Востока за приблизительно четверть века, которые отделяют итоговый вариант издания от курсов Виппера, Тураева и Хвостова, и что в учебнике Струве вводные главы составляют примерно 13,5% текста, прогресс в том, чтобы уйти от сведения древневосточной истории не просто к ближневосточной, а к истории двух регионов, оказывается в общем незначительным.

Но главный индикатор здесь – это эволюция содержания. Советская наука гордилась – совсем не без оснований – тем, что ее видение истории было хорошо отрефлексированным, ориентированным на выявление существенных характеристик социума, и при этом выражалось с помощью терминов, которые были прозрачными для читателя благодаря однозначному соотношению с общей теорией, в которой и сейчас видят потенциал для изучения древней истории [32]. Но задача нашей статьи – не оценивать абстрактные достоинства советской системы мысли, а посмотреть, насколько она была способна реализовывать конкретные интеллектуальные задачи, осознаваемые ей самой в качестве важных, в данном случае – преодоление европоцентризма в сфере древней истории.

«Поворот» к Востоку в том виде, в котором он совершился в учебниках 1940-х гг. – если говорить

прежде всего об учебнике Струве для вузов и учебнике под редакцией А.В. Мишулина для школ, – был реализован через один и тот же прием: самоценность Востока заключалась в том, что он прошел приблизительно те же этапы развития рабовладения, что и Запад; причем если в университетском учебнике изначально хотя бы предполагалось, что на Востоке была самая ранняя переходная стадия общинного рабовладения, которой не было у греков и римлян, то в школьном учебнике принципиальных отличий не было уже никаких. Чтобы слабость этой конструкции не бросалась в глаза, потребовалось совершить несколько манипуляций, которые никак нельзя признать соответствующими стандартам научности: во-первых, при любых сведениях о народных движениях и волнениях древности упоминать не только о крестьянах, но также и о рабах в качестве равноправных участников (чего советская наука не могла доказать ни при появлении своих первых обобщающих трудов, ни позднее), во-вторых, свести к минимуму вопросы об аналогиях в развитии древневосточных обществ с другими – как с античными, так и со всеми прочими.

Можно предположить, что такое решение было результатом насильственного ускорения развития исторической науки в 1930-е гг., когда от историков в той или иной форме требовалось дать марксистские («правильные») ответы на базовые вопросы истории, и в данном случае, после мучительных поисков обозначенных ответов, были даны такие, которые более или менее подходили в данной ситуации, с некоторой надеждой на улучшение аргументации по мере эволюции знаний. Но, во-первых, в интеллектуальной жизни «как бы доказанная» идея очень легко превращается в «уже доказанную», чем снижается возможность ее безболезненного пересмотра и доработки, а ее корректоры по большей части перерождаются в защитников. Во-вторых, каким бы слабым ни оказывался ход, при котором лучший способ сделать равноправными Запад и Восток – это вообще не сравнивать их, отказ от него порождал множество теоретических проблем для советской науки. Периодические попытки их разрешить начинаются уже с 1950-х гг., но так и не приведут к формированию какого-либо нового консенсуса. Все это говорит о том, что широко анонсированное ранней советской наукой преодоление старинной дихотомии свелось в итоге к нескольким формальным операциям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впрочем, современный специалист дает трудам Смита ту же оценку, что и Ольденбург [3. С. 34].

² Обобщающее исследование деятельности Ольденбурга (с обзором предшествующей библиографии о нем) [6].

³ В статье дана устаревшая хронология Месопотамии, позже скорректированная в том числе самим Струве, а написания «Сумир» вместо «Шумер» историк придерживался вплоть до 1950-х гг.

⁴ На совещании в Институте истории АН СССР в мае 1936 г. педагогом упоминался ученик, который пользовался «атласом Вольфа». Стенограмма совещания в Институте (кабинет истории народов СССР) по составлению пособий и о преподавании истории в начальной и средней школе // АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 36. Т. 2. Л. 20. Видимо, речь идет об издании, осуществленном товариществом М.О. Вольфа (1825–1883) [10]. И.М. Дьяконов в начале 1930-х гг. приобрел у букиниста «Реальный словарь классической древности» Ф. Любкера (1811–1867) (издавался в русском переводе в 1880-е гг.). По контексту воспоминаний Дьяконова можно понять, что речь идет об однотомном издании, в таком случае это была книга 1885 г. [11. С. 257; 12].

⁵ См., например, полемику А.В. Мишулина с Хвостовым и Виппером (именно как с актуальными авторами!) [13. С. 5].

⁶ Отношения Жебелёва с советской властью ныне являются объектом пристального внимания исследователей, и сейчас уже понятно, что его путь от порицаемого в печати изгоя до уважаемого советского академика был результатом сложной конфигурации компромиссов (см., например: [14]).

⁷ Относительно заметные изменения (включая сокращение вводной части) были произведены при переиздании курса Хвостова [15. С. 3]. Гимназические учебники Виппера особенно активно переиздавались в 1923–1924 гг. (см.: [16. С. 269]).

⁸ При этом некоторая часть истории других стран (хеттов, Вавилонии и Ассирии) в обновленном издании была дописана Г.М. Пригоровским (1884–1937), что позволило немного уменьшить египтоцентризм дореволюционного издания (см.: [18. С. 145–150, 235–236, 251–252, 254, 268–270]. Следует уточнить, что какие-то правки вносились с помет покойного автора, но неясно, какие именно (подробнее см.: [19. С. 317–318, 321]).

⁹ Еще одну страницу заняло целиком изображение финикийского корабля [26. С. 47].

¹⁰ Обзорные курсы, которые читались в партийных учебных заведениях, следует квалифицировать как периферические явления: они издавались ограниченным тиражом и не были результатом особой методической работы (см., например: [27]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ольденбург С.Ф. Восток и Запад в советских условиях. М.; Л., 1931.
2. Smith V.A. The Early History of India. Oxford, 1924.
3. Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М., 2013.
4. Ольденбург С.Ф. «Связи Запада с Востоком старинные...» // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982. С. 5–8.
5. Adler C. East and West // Journal of the American Oriental Society. Vol. 44 (1924). P. 177–185.
6. Каганович Б.С. Сергей Фёдорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2013.
7. Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 77. С. 32–111.
8. Струве В.В. Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура (ок. XXIII в. до н.э.) // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932 : сб. ст.. Л., 1934. С. 495–507.
9. Масперо Г. Древняя история народов Востока. М., 1911.
10. Картинный атлас всемирной истории / сост. Л. Вейссер. Т. I. История древнего мира. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1866.
11. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб., 1995.
12. Реальный словарь классических древностей по Любкеру / под ред. Гельбке Ф. и др. СПб., 1885.
13. Мишулин А. К вопросу о рабстве на Востоке // Струве В.В. История древнего Востока : краткий курс. М., 1934. С. 3–14.
14. Карпюк С.Г., Кулишова О.В. Академик С.А. Жебелёв, последние годы : стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 1. С. 88–112.
15. Пригоровский Г. От редактора // Хвостов М.М. История древнего Востока. М.; Л., 1927. С. 3–4.
16. Алмазова Н.С. Единая концепция истории древности Р.Ю. Виппера в его работах дореволюционного периода // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. М., 2019. Т. XX. С. 264–287.
17. Ладынин И.А. Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX в. // Вестник древней истории. 2019. Т. 79, № 3. С. 772–796.
18. Хвостов М.М. История древнего Востока. М.; Л., 1927.
19. Алмазова Н.С. На рубеже эпох: лекционные курсы М.М. Хвостова по древней истории в преподавании 1900–1920-х гг. // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. М., 2017. Т. VI. С. 313–326.
20. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. I–XII. Л.; М., 1925–1928.
21. Виппер Р. Древний Восток и эгейская культура. Пособие к университетскому курсу. М., 1913.
22. Струве В., Снегирёв И. Предисловие // Тураев Б.А. История древнего Востока / под ред. В.В. Струве, И.Л. Снегирёва. Л., 1936. Т. I. С. V–XII.
23. Никольский Н.М. История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир : учебник для средней школы, 5-й год обучения. М., 1933.
24. Krikh S.B. A Textbook and Its Author: The Pre-Revolutionary Russian Tradition and Soviet Innovations in Nikolay M. Nikolsky's Work // Quaestio Rossica. 2019. Vol. 7, № 4. P. 1299–1308.
25. Ранович А.Б. Первый советский учебник древней истории // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 15–23.
26. История древнего мира: учебник для 5–6 классов средней школы / под ред. А.В. Мишулина. М., 1943.
27. Авдиев В.И. Курс всеобщей истории. Древняя история. Лекция 1-я. Древняя Месопотамия. Стенограмма лекции, прочитанной 19 ноября 1939 г. М., 1939.
28. Карпюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. № 4 (78). С. 1011–1031.
29. Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / сост. А.И. Ключев, О.В. Метель. Омск, 2018.
30. Струве В.В. История древнего Востока. Л., 1941.
31. Тюменев А.И. Передний Восток и античность (особенности социально-экономического развития) // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 50–70.
32. Vlassopoulos K. Marxism and Ancient History // How to Do Things with History: New Approaches to Ancient Greece. Oxford, 2018. P. 209–235.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июня 2020 г.

Overcoming the “West”: The Originality of the Ancient Near East History in Soviet Textbooks

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 19–25.

DOI: 10.17223/15617793/473/3

Sergey B. Krikh, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: krikh@rambler.ru

Keywords: Soviet historiography; textbooks; history of ancient Near East.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-09-41014.

The article aims to outline and analyze the “turn to the East” in early Soviet historiography on the example of the history of the ancient Near East. In the first part of the article, the author discusses statements of leading Soviet Orientalists about the “East and West” problem from the Marxian point of view. Analyzing the report “The East and West in the Soviet Circumstances” by one of the most famous Russian and Soviet Orientalist Sergei Oldenburg, the author concludes that Oldenburg constructed the image of the Soviet scholarship led by a better theory that could solve the problem of objective knowledge about the Orient. Both Oldenburg and other researchers claimed that Soviet Oriental studies could reach a really new stage of knowledge about the East, in contrast to Western, “bourgeois”, scholars who could not get rid of the colonial attitude to eastern countries. However, in the early 1930s, such statements were wishful thinking: Soviet exploration of the East was in its infancy and a new narrative of Eastern history has not yet been created. The greatest influence on the formation of new approaches to the history of the ancient Near East had Vasilii Struve, who in the 1930s created not only a number of papers but also textbooks in which he defended the slaveholding conception. Struve, starting from the logic of Oldenburg, motivated the preference for the slave-owning conception from the point of view of difference from the “bourgeois” views, according to which “eternal feudalism” existed in the East. In the second part of the article, the author

compares, on the one hand, textbooks before the 1930s (both pre-revolutionary and Soviet) and, on the other hand, publications written in terms of the declared solution to the problem of the originality of the East. The main conclusions are that there were no fundamental differences in the correlation between the main parts: the sections on the history of the ancient East continued to focus on Near Eastern societies, and from all the ancient countries Mesopotamia and Egypt were covered in the most detailed way. The main meaning of the “turn to the East” from the point of view of the content of the texts was to emphasize the thesis that Eastern societies went through the same forms of slavery as the Greco-Roman ones. To maintain the illusion that this position is supported by factology, several manipulations with the text were required from historians: for example, the constant mention of the participation of slaves in all major mass disturbances in the ancient East and the minimization of questions about analogies between Greco-Roman and Near Eastern societies.

REFERENCES

1. Ol'denburg, S.F. (1931) *Vostok i Zapad v sovetskikh usloviyakh* [East and West in Soviet conditions]. Moscow; Leningrad: Ogiz; Gos. sots.-ekon. izd-vo.
2. Smith, V.A. (1924) *The Early History of India*. Oxford: The Clarendon press.
3. Alaev, L.B. (2013) *Istoriografiya istorii Indii* [Historiography of the History of India]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS.
4. Ol'denburg, S.F. (1982) “Svyazi Zapada s Vostokom starinnye...” [“Ties of the West with the East ancient...”]. In: *Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* [East – West. Researches. Transfers. Publications]. Moscow: GRVL. pp. 5–8.
5. Adler, C. (1924) East and West. *Journal of the American Oriental Society*. 44. pp. 177–185.
6. Kaganovich, B.S. (2013) *Sergey Fedorovich Ol'denburg. Opyt biografii* [Sergey Fedorovich Oldenburg. Biography experience]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
7. Struve, V.V. (1934) Problema zarozhdeniya, razvitiya i razlozheniya rabovladel'cheskikh obshchestv drevnego Vostoka [The problem of the origin, development and decomposition of slave-owning societies of the ancient East]. *Izvestiya GAIMK*. 77. pp. 32–111.
8. Struve, V.V. (1934) Rabovladel'cheskaya latifundiya v Sumire III dinastii Ura (ok. XXIII v. do n.e.) [Slaveholding latifundia in Sumire of the 3rd dynasty of Ur (ca. 23rd century BC)]. In: *Sergeyu Fedorovichu Ol'denburgu. K pyatidesyatiletiyu nauchno-obshchestvennoy deyatel'nosti. 1882–1932* [To Sergei Fedorovich Oldenburg. To the fiftieth anniversary of scientific and social activity. 1882–1932]. Leningrad: USSR AS. pp. 495–507.
9. Maspero, G. (1911) *Drevnyaya istoriya narodov Vostoka* [Ancient History of the Peoples of the East]. Translated from French. Moscow: tip. Vilde.
10. Veysser, L. (ed.) (1866) *Kartinnyy atlas vsemirnoy istorii* [Atlas of World History]. Vol. I. Saint Petersburg; Moscow: Izd. M.O. Vol'fa.
11. D'yakonov, I.M. (1995) *Kniga vospominaniy* [The Book of Memories]. Saint Petersburg: Evropeiskii dom.
12. Gel'bke, F. (ed.) (1885) *Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey po Lyubkeru* [The Real Dictionary of Classical Antiquities by Lübker]. Translated from German. Saint Petersburg: [s.n.].
13. Mishulin, A. (1934) K voprosu o rabstve na Vostoke [To the question of slavery in the East]. In: Struve, V.V. *Istoriya drevnego Vostoka: kratkiy kurs* [History of the ancient East: A brief course]. Moscow: Gos. sots.-ekon. izd-vo. pp. 3–14.
14. Karpyuk, S.G. & Kulishova, O.V. (2018) Akademik S.A. Last years of S.A. Zhebelyov, member of the Academy: shorthand record of the Academic meeting in Tashkent, January 31, 1942. *Vestnik drevney istorii – Journal of ancient history*. 1 (78). pp. 88–112. (In Russian). DOI: 10.7868/S0321039118010077
15. Prigorovskiy, G. (1927) Ot redaktora [From the editor]. In: Khvostov, M.M. *Istoriya drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. pp. 3–4.
16. Almazova, N.S. (2019) A general concept of ancient history of Robert Yu. Vipper in his works of the pre-revolutionary years. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii – Aristes. Philologia classica et historia antiqua*. Moscow. 20. pp. 264–287. (In Russian).
17. Ladynin, I.A. (2019) The concept of the “Ancient Orient” in Russian and Soviet scholarship of the twentieth century. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 3 (79). pp. 772–796. (In Russian). DOI: 10.31857/S032103910007713-7
18. Khvostov, M.M. (1927) *Istoriya drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
19. Almazova, N.S. (2017) Na rubezhe epokh: lektzionnye kursy M.M. Khvostova po drevney istorii v prepodavanii 1900–1920-kh gg. [At the turn of the epochs: M.M. Khvostov's lecture courses on ancient history in the teaching of the 1900s–1920s]. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury. Al'manakh. – Scripta Antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*. 6. pp. 313–326. (In Russian).
20. Rozhkov, N.A. (1925–1928) *Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (Osnovy sotsial'noy dinamiki)* [Russian History in comparative historical coverage (Fundamentals of Social Dynamics)]. Vols 1–12. Leningrad; Moscow: Kniga.
21. Vipper, R.Yu. (1913) *Drevniy Vostok i egeyskaya kul'tura. Posobie k universitetskuyu kursu* [The Ancient East and the Aegean Culture. Manual for the university course]. Moscow: skl. izd. v kn. mag. V.S. Spiridinova i A.M. Mikhailova.
22. Struve, V. & Snegirev, I. (1936) Predislovie [Preface]. In: Turaev, B.A. *Istoriya drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. Vol. 1. Leningrad: Sotsekonimizdat. pp. V–XII.
23. Nikol'skiy, N.M. (1933) *Istoriya. Doklassovoe obshchestvo. Drevniy Vostok. Antichnyy mir: uchebnik dlya sredney shkoly, 5-y god obucheniya* [History. Pre-class society. The Ancient East. The ancient world: a textbook for high school, 5th year]. Moscow: Uchpedgiz.
24. Krikh, S.B. (2019) A Textbook and Its Author: The Pre-Revolutionary Russian Tradition and Soviet Innovations in Nikolay M. Nikolsky's Work. *Quaestio Rossica*. 4 (7). pp. 1299–1308. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2019.4.439
25. Ranovich, A.B. (1940) Pervyy sovetskiy uchebnik drevney istorii [The First Soviet textbook of ancient history]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 3–4. pp. 15–23. (In Russian).
26. Mishulin, A.V. (ed.) (1943) *Istoriya drevnego mira: uchebnik dlya 5–6 klassov sredney shkoly* [The History of the Ancient World: A textbook for grades 5–6 of secondary school]. Moscow: Uchpedgiz.
27. Avdiev, V.I. (1939) *Kurs vseobshchey istorii. Drevnyaya istoriya. Lektsiya 1-ya. Drevnyaya Mesopotamiya. Stenogramma lektsii, pročitannoy 19 noyabrya 1939 g.* [Course of General History. Ancient history. Lecture 1. Ancient Mesopotamia. Transcript of a lecture delivered on November 19, 1939]. Moscow: [s.n.].
28. Karpyuk, S.G. & Krikh, S.B. (2018) Work on “The World History” before World War II: searching for a management model. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 4 (78). pp. 1011–1031. (In Russian). DOI: 10.31857/S032103910002917-1
29. Klyuev, A.I. & Metel', O.V. (eds) (2018). *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy* [Abram Borisovich Ranovich: Documents and materials]. Omsk: Omsk State University.
30. Struve, V.V. (1941) *Istoriya drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. Leningrad: OGIZ, GOSPOLITIZDAT.
31. Tyumenev, A.I. (1957) Peredniy Vostok i antichnost' (osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya) [The Front East and antiquity (features of socio-economic development)]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 6. pp. 50–70. (In Russian).
32. Vlassopoulos, K. (2018) Marxism and Ancient History. In: Allen, D.S., Christesen, P. & Millett, P. (eds) *How to Do Things with History: New Approaches to Ancient Greece*. Oxford: Oxford University Press. pp. 209–235.

Received: 06 June 2020